

Беседа с Кавалером Золотого Почетного знака «Общественное признание», лауреатом Высшей юридической премии «Фемида» за 1998 год Вячеславом Михайловичем Лебедевым состоялась через несколько дней после его назначения на пост Председателя Верховного Суда Российской Федерации без ограничения срока полномочий, т. е. пожизненно. Служебный кабинет высшего российского судьи довольно скромен. Перед приственным столиком обычные стулья, на столике едва умещается поднос с чаем. Из кабинетных украшений – лишь напольные кабинетные часы. Рукопожатие у Лебедева крепкое, спортивное

Вячеслав ЛЕБЕДЕВ:

МЕЧТАЛ О РАБОТЕ СЫЩИКА, А ВЫБРАЛ ПРОФЕССИЮ СУДЬИ

– Вячеслав Михайлович, Вы прошли все ступеньки судейской карьеры: начинали народным судьей, потом стали председателем Железнодорожного районного суда, председателем Московского городского суда, избраны на 10 лет Председателем Верховного Суда России, теперь по представлению Президента России Бориса Ельцина Советом Федерации Вы назначены на высший судейский пост в стране без ограничения срока полномочий, пожизненно. Словом, Вы – карьерный судья в хорошем смысле этого слова. Почему Вы выбрали эту профессию?

– Юриспруденцией интересовался еще в школе, поэтому и пошел учиться на юридический факультет МГУ. Причем мне нравились все юридические профессии – и адвоката, и прокурора, и сыщика. Ведь это были романтические профессии. Среди московских школьников 60-х годов особо популярной была оперативно-розыскная работа сыщика. Вот и мне хотелось искать преступников и восстанавливать справедливость.

О судейской же профессии у меня поначалу были смутные представления. Но когда на последних курсах юридического факультета начался отбор, я выбрал судебную специализацию. Почему? Наверное потому, что судебная деятельность, в моем понимании, концентрирует в себе работу других юридических профессий. Словом, открыл для себя профессию судьи на последних курсах университета, но окончательное осмысление значимости и важности работы судьи пришло, конечно, позже.

– Вашу работу в должности председателя Московского городского суда в 80-е годы до сих пор воспомина-

ют добрым словом. В частности, рассказывают легенды о том, как Вы строили новое здание Мосгорсуда. Так как все это было?

– В 1984 году мне, в то время председателю районного суда, предложили повышение – должность начальника отдела юстиции г. Москвы. И хотя я понимал, что отказываться от такого предложения, по правилам того времени, нельзя, все-таки, отказался: не хотел от практической работы переходить на административную должность. Сложилось острая ситуация, которая грозила мне крупными неприятностями. Но руководители Москвы, которые решали мою судьбу, поняли мою позицию, за что я им по-человечески благодарен. Они приняли другое решение: место начальника отдела юстиции отдали одному из заместителей председателя Московского городского суда, а мне предложили освободившуюся судейскую должность.

Кроме судейских дел на новой должности мне пришлось заниматься и хозяйственными проблемами, на первом месте из которых стоял вопрос о строительстве нового здания Мосгорсуда. Городские власти не могли решить этот вопрос, ссылаясь на запрет Совмина СССР. Тогда я рискнул обратиться с письмом прямо к первому заместителю Председателя Совета Министров СССР Гейдару Алиеву, в ведении которого находился этот вопрос. Конечно, не зная лично Алиева, никогда с ним не встречаясь, рассчитывать мне было не на что. Но, наверное, произошло чудо: буквально через две недели Г. Алиев в порядке исключения разрешил строительство нового здания Мосгорсуда.

А дальше уже дело техники – совещания у председателя Моссовета Валерия Сайкина, выбор проекта, сметы, кон-

троль за ходом строительства. Правда, в новом здании Мосгорсуда мне поработать не удалось, в 1989 году меня избрали председателем Верховного Суда РСФСР, и я перебрался с Каланчевки на Ильинку. Кстати, снова приходится строить, теперь, правда, новое здание Верховного Суда России на Поварской.

– Говорят, что Вы чуть не стали Генеральным прокурором СССР?

– В начале 90-х годов мне позвонил Михаил Сергеевич Горбачев и предложил занять пост Генерального прокурора СССР (вопрос об отставке А. Сухарева был к тому времени решен). Я стал отказываться, объясняя, что мне никогда не приходилось работать ни в партийных органах, ни в милиции, ни в системе прокурорского надзора, говорил, что мое профессиональное амплуа – судья. Горбачев настаивал на своем предложении. Он убеждал меня, что время требует, чтобы на такой должности был судья. Возможно, он был прав, но я приводил свои аргументы и просил согласиться со мной.

Во время этого разговора я понял, что Михаила Сергеевича мои возражения не убеждают. Тогда я попросил у него сутки на раздумья. На другой день я позвонил М. Горбачеву и все-таки отказался от прокурорской работы. После минутной паузы Горбачев сказал мне довольно спокойно: «Понимаю, крепко жму вашу руку».

– При Вас стала резко изменяться судебная практика. Верховный Суд России, например, со ссылкой на Конституцию стал принимать жалобы на незаконные действия должностных лиц, чего раньше никто из судей не делал. Вспомним хотя бы известное дело об увольнении генерала разведки Калугина.

Лорд-Канцлер лорд Ирвин и В.М. Лебедев

– Мы были убеждены в том, что все вопросы, связанные с защитой прав и свобод граждан должны рассматриваться только судом, а международные договоры Российской Федерации должны быть составной частью российского законодательства и иметь приоритет перед внутринациональным законодательством.

Однако в начале 90-х годов у нас по этим вопросам было достаточно много оппонентов. Особенно остро стоял вопрос об обжаловании в суд ареста и продления сроков содержания под стражей.

В 1991 году один из адвокатов обратился в Верховный Суд РСФСР с жалобой на арест его подзащитного. Это было необычно для того времени, поэтому жалобу сразу же доложили мне.

Имея в виду, что вопрос, поставленный в жалобе, представляет особую значимость, мы приняли ее к своему производству. Ситуация сложилась так, что в то время отсутствовала процедура разрешения подобных жалоб в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР и мы подвергались резкой критике со стороны многих юристов. Но мы стояли на принципиальных позициях: право человека на свободу должно быть реально защищено через суд.

Что же касается жалобы адвоката, то ее разрешили не сразу. Сначала прокурор заявил, что в отсутствие закона мы не имеем права рассматривать этот вопрос. Прокурора поддержал судья, рассматривавший это дело, и приостановил производство до принятия соответствующего закона. Но в связи с исключительностью вопроса я опротестовал это постановление. Президиум Верховного Суда единогласно поддержал мой протест и вынес решение о рассмотрении дела по существу. Одновременно мы представили законопроект о внесении дополнений в УПК РСФСР, который после некоторых проволочек и сопротивления работников прокуратуры, все же стал законом.

– Президент России Б. Ельцин в одном из обращений заявил о том, что выборы должны быть чистыми и честными. Вы, как Председатель Верховного Суда страны, верите в то, что такое возможно?

– Конечно, верю. Выборы должны быть не только честными и чистыми, но и законными. Конечно, будут сложности, возможно будет и давление на суд. Но на сегодняшний день мы имеем профессионально крепкий и нравственный состав судейского корпуса России, что гарантирует законность выборного процесса.

Роль Верховного Суда Российской Федерации в разрешении конфликтных ситуаций, связанных с регистрацией и выдвижением кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации становится все заметнее. Верховному Суду Российской Федерации уже сегодня приходится заниматься рассмотрением жалоб на те или иные решения Центральной избирательной комиссии по этим вопросам, а в ближайшей перспективе аналогичные проблемы возникнут в избирательной кампании по выборам Президента Российской Федерации. Это исключительно ответственная задача, от успешного выполнения которой во многом зависит и чистота и честность, и законность выборов и будущее России. Уверен, что Верховный Суд Российской Федерации справится с этой миссией достойно. Все будет осуществляться гласно, открыто и в полном соответствии с законом.

Меня поражают досужие разговоры о том, что суд бесконтролен сегодня или закрыт от общественности. Это не отвечает действительности. В российском суде все открыто, все доступно для прессы, которая, правда, не всегда объективно отражает работу судейского корпуса. Ограничения гласности могут иметь место только в случаях, прямо предусмотренных законом. При этом имеются в виду как российские законы, так и нормы международного права, в частно-

сти ст.ст. 8 и 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В то же время мы выступаем против любых попыток оказания давления на суд, в том числе и со стороны представителей средств массовой информации.

– А на Вас лично когда-либо оказывалось давление? По принципиальным вопросам, по громким делам?

– Давление на суд в различных формах было и будет. Причин для этого достаточно много. Иной раз это происходит по незнанию, иногда под влиянием отживающих нравов, уходящей эпохи, когда судье можно было указать, поставить задачу. Есть и другие приемы. Так что вставать на защиту своих коллег все же приходится.

С Председателем Высшего судебного Совета государства Кувейт Мухаммедом Юсеф аль-Рифаи

– Что Вы считаете своим самым важным достижением последнего времени?

– Прежде всего, это утверждение судебной власти как самостоятельной и независимой. Нам удалось отстоять единство судебной системы и добиться ее функционирования на всех уровнях.

Обеспечены большие подвижки в учреждении института мировых судей, введение которых на территории субъектов Российской Федерации повысит доступ к правосудию наших граждан, разгрузит районные суды и позволит им сосредоточить свои усилия на рассмотрении сложных и объемных дел. А это повлечет за собой повышение качества и сокращение сроков рассмотрения дел во всех без исключения судах. Обнадеживает работа Судебного департамента при Верховном Суде и его органов в субъектах Федерации.

Я нахожу чрезвычайно важным то обстоятельство, что Правительством страны с большим пониманием относится к нуждам и запросам судов. При поддержке Правительства мы рассчитываем в 2000-м году увеличить штатную численность федеральных судей, работников аппарата судов, назначить до четырех тысяч мировых судей.

– А как развивается сотрудничество Верховного Суда с коллегами из других стран?

– Обмен опытом с коллегами из-за рубежа развивается достаточно активно. Это многоплановый и широкий процесс. С некоторыми странами у нас подписаны соглашения о сотрудничестве. Имеет место и широкий обмен делегациями судов и обмен опытом из правоприменительной практики. Обмениваемся идеями по вопросам совершенствования правосудия. Из последних событий назову недавно состоявшиеся конференции председателей Верховных судов Азиатско-Тихоокеанского региона в Сеуле (Южная Корея) и международный форум юристов этого региона. Обсужда-

лись самые острые проблемы, стоящие перед судами. На заседании по обсуждению проблемы судебной этики, председательствовать было поручено мне. В октябре в Любляне состоялся семинар председателей Верховных судов европейских стран, организованный Советом Европы, который был посвящен публичности правосудия, обсуждалась практика Европейского Суда по правам человека по этой теме.

– Вячеслав Михайлович, традиционный вопрос о семье.

– В семье у нас все рядовые. Высокий пост, который я занимаю, в нашем роду единственный. Да и знакомых из высшего общества тоже никогда не было. Жена – инженер. Дочь и сын – тоже инженеры. Внучка учится в школе. Нормальная обычная семья. Со своими проблемами, традициями.

– Безусловно интересно знать мнение и позицию Председателя Верховного Суда РФ по самым насущным государственным проблемам, но мы с Вами еще и беседуем как с Кавалером Золотого Почетного знака «Общественное признание». За два года работы этим знаком награждено более ста человек. Причем это люди разных профессий – как хорошо известные, так и те, к которым известность еще не пришла, но все они активно участвуют в жизни общества. В связи с этим хотелось бы поинтересоваться, как Вы относитесь к институту общественных наград?

– Прежде всего для меня это высокая оценка. Награда – это ведь отношение общественности ко мне не

только как к профессионалу, но и как к личности. Конечно, когда меня представляли на эту награду, было много сомнений. Я судья, и мне пришлось оценивать, не отразится ли такая награда на моей независимости, на положении. Ведь в нашей сфере очень ограниченный круг занятий, мы не имеем права заниматься никакой другой деятельностью, кроме преподавательской, научной, творческой. Для меня было отродно узнать, что эта награда не имеет отношения к политическим движениям.

– Вячеслав Михайлович, находите ли Вы время для научной работы?

– Безусловно. Я кандидат юридических наук. Тема моей диссертации: «Судебная власть на защите конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе».

В наши дни научные знания для судебных работников не просто высококвалифицированное обобщение материала и научный подход к проблеме, но и инструмент, который мы должны применять в практической работе.

За время нашей работы накоплен огромный материал, неотъемлемой частью которого следует считать Постановление Пленума Верховного Суда. Каждый вопрос перед вынесением на Пленум проходит обсуждение на Научно-консультативном совете при Верховном Суде Российской Федерации, который недавно обновился. Сейчас Совет собирается значительно чаще, чем несколько лет назад.

Каждое постановление Пленума – это результат анализа, обсуждения и обобщения как судебной практики, так и статистических материалов.

Без научной работы я не представляю себе будущее Верховного Суда.

– Спасибо за Ваши содержательные ответы.

Материал подготовил В. РУДНЕВ